

Игорь Рабинер

Лексикону!
18+
Содержит
нецензурную
языку

СПАРТАКОВСКИЕ ИСПОВЕДИ

КЛАССИКИ И ЛЕГЕНДЫ

Спорт изнутри

Игорь Рабинер

**Спартаковские исповеди.
Классики и легенды**

«ЭКСМО»

2011

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

Рабинер И. Я.

Спартаковские исповеди. Классики и легенды / И. Я. Рабинер —
«Эксмо», 2011 — (Спорт изнутри)

ISBN 978-5-04-178177-4

Как «Спартак» стал самой популярной футбольной командой страны? Кто его основатели и классики? Какими при ближайшем рассмотрении были самые культовые события в истории красно-белых? Обо всем этом на страницах книги рассказывают сами главные герои «Спартака» и их близкие родственники. Игорь Рабинер в разные годы записал монологи легенд — Никиты Симоняна, Федора Черенкова, Владимира Маслаченко, Олега Романцева, Евгения Ловчева, Рината Дасаева, Андрея Тихонова, сына одного из братьев Старостиных, родного брата и племянницы Игоря Нетто, семьи Черенкова. Их увлекательные рассказы рисуют масштабную, но в то же время совсем не пафосную и полную юмора картину жизни «Спартака», отмечающего в 2022 году столетний юбилей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-178177-4

© Рабинер И. Я., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	7
Никита Симонян	13
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Рабинер

Спартакoвские исповeди: классики и легенды

Литературные редакторы А. Мурник, Я. Рабинер

- © В коллаже на обложке использованы фотографии:
- © Дмитрий Донской, Леонид Доренский, Владимир Федоренко, Валерий Шустов, Владимир Родионов, Игорь Уткин, Александр Вильф / РИА Новости
- © Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
- © Игорь Уткин, Владимир Родионов, Юрий Иванов, Леонид Доренский, В. Красинская, Дмитрий Донской / РИА Новости;
- © Архив РИА Новости;
- © Уткин Игорь, Ун Да-син Вячеслав / Фотохроника ТАСС
- © Фотохроника ТАСС
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Еще со времен первого главного редактора «Спорт-Экспресса» Владимира Кучмия в нашей редакции бытует поговорка: «Спартака» в «СЭ» много не бывает!» Красно-белые – команда настолько популярная, что новостей и материалов о ней читатель ждет каждый день и в любых количествах.

Но писать о «Спартаке» можно по-разному. Игорь Рабинер с первых лет жизни «СЭ» делает это не поверхностно, а с талантом, глубиной и... любовью, которой почти не скрывает. Репортаж о победном финале Кубка России 1994 года, первом для спартакoвцев в новой стране, вышел в нашей газете за его подписью! Так постепенно наш обозреватель и превратился в бесценного автора, на глазах которого прошла вся история «Спартака» российских времен – тогда как историей советских он был увлечен с детства. Недаром его вымпелы с автографами спартакoвских звезд 80-х годов красуются в музее «Спартака», которым руководит еще один бывший журналист нашего издания Алексей Матвеев!

В этом году «Спартаку» – сто лет, и я не сомневался, что признанный спартакoвед Рабинер не промолчит, посвятит этой дате книгу. Оказалось – даже двухтомник. В нем история великого клуба рассказывается голосами тех, кто ее творил, – футболистов, тренеров, руководителей, комментаторов. Идея, на мой взгляд, замечательная. Еще и потому, что в исполнении автора каждый герой говорит не как все, а своим, ни на чей не похожим голосом. Для каждого болельщика красно-белых, убежден, это обязательное чтение.

МАКСИМ МАКСИМОВ,
главный редактор

Предисловие

И жизнь, и слезы, и «Спартак»

В 2022 году футбольному «Спартаку», команде, которой я поклоняюсь с шести лет, исполнилось сто.

Или не исполнилось.

Как ни старался, так и не смог по-настоящему увлечь себя дискуссией и с головой нырнуть в один из лагерей, на которые разделились поклонники красно-белых: какой год рождения моего любимого футбольного клуба правильный – 1922-й или 1935-й. И среди болельщиков не то что единства – явно преобладающей точки зрения нет. Запустил в своем телеграм-канале «РабиНерв» опрос на эту тему, и из более чем пяти тысяч участников 41 процент оказался за официальный ныне 22-й. А за 35-й (на стороне этой версии – авторитетнейшие Никита Симонян и Евгений Ловчев) проголосовали 59 процент. Не совсем пополам, но недалеко!

Для меня это не тот вопрос, в котором считаю принципиальным жестко и категорично вставать на чью-то сторону. Это не тема чести и совести, подразумевающая четкую позицию, – это тема тонких исторических трактовок. В конце концов, клуб – не человек: у того есть конкретный день рождения, зафиксированный в ЗАГСе. И то у некоторых футболистов паспорта переписаны; а многие годы ходила легенда – и она, по-моему, не опровергнута, – что сам основатель «Спартака» Николай Петрович Старостин на самом деле был 1898-го, а не 1902 года рождения.

Что уж тут говорить о командах со сложной и запутанной биографией. Их величие определяется не возрастом. Поэтому оставляю за каждым из вас право решать для себя, справедливо ли празднование «Спартаком» столетнего юбилея именно сегодня, в 2022-м.

Всех, кто считает, что «Спартак» родился 18 апреля 1922 года, от всей души поздравляю сейчас. Тех, кто убежден, что 19 апреля 1935-го – даст бог, поздравлю через тринадцать лет. И тоже от всей души. Потому что не собираюсь делить красно-белых на правоверных и еретиков. «Если разрезать тебя напополам, одна половина будет красная, а другая – белая», – сказал когда-то Николай Старостин Никите Симоняну.

Я не хочу резать что-либо красно-белое.

* * *

Коллега Алексей Лебедев недавно напомнил историю, которую сегодня невозможно представить. Нам с ним не было и двадцати, мы уже что-то писали – и очень хотели поехать на легендарную спартаковскую базу в Тарасовке, проникнуться атмосферой, поговорить с людьми. На каком-то мероприятии нам удалось перехватить Николая Петровича Старостина, мы представились, изложили суть дела. Он спокойно ответил, чтобы подходили в такие-то день и время к метро «Сокольники» – оттуда команда отъезжает на базу. И нас возьмут с собой.

Мы, конечно, обалдели. Но в силу юношеского разгильдяйства опоздали минут на десять. Никого не было. Расстроились страшно – упустили счастливый случай! И вдруг начали появляться игроки – один, другой... А потом и сам Николай Петрович. Оказалось, отъезд – на час позже того времени, которое он нам сказал. И при этом Старостин ничего не перепутал. Зная, что у молодых ветер в голове, и учитывая возможность опоздания, специально сориентировал нас на час раньше! И, как выпускник царского финансового училища, рассчитал – если терпеливые, то дождутся.

Дождались. И поехали с командой в автобусе. И поговорили в Тарасовке с теми, с кем хотели. Никаких оград и секьюрити вокруг базы в ту пору не было. На тренировки приезжали

болельщики. А сам Николай Петрович всегда брал последнее слово на установках, и у него всегда находилось что сказать. Или сделать. Одна прибитая газетой муха в день дерби с бело-голубыми со словами «У, “Динамо” проклятое!» стоила всех сказанных перед тем слов тренера Гуляева.

Вот таким был Николай Петрович, который никогда не строил стен между собой и людьми. Ездил на метро и, когда его узнавали, всегда интересовался у болельщиков, что те думают о команде и отдельных игроках. А потом передавал это футболистам. Чтобы знали. Чтобы не теряли связи с теми, для кого они играют.

Среди этих людей гораздо чаще нынешнего встречался «добрый зритель в девятом ряду», как в песне на стихи Игоря Шаферана, спартакoвского болельщика, которую пел Аркадий Райкин. Теперь же эта доброта и способность прощать и сопереживать куда-то делись, и дай малейший повод (а иногда и его не нужно), зашкаливают негатив и ненависть. Впрочем, разве только вокруг «Спартакa» и футбола? Разве это – не о всей нашей жизни?

Тот болельщик верил Старостину больше, чем самому себе. Только представьте, как бы нынешняя категоричная аудитория отреагировала на решения а) сделать главным тренером Никиту Симоняна, который только что еще выходил на поле в составе «Спартакa» и б) поставить на этот пост Олега Романцева, высшее достижение которого – десятое место в первом дивизионе. Причем сразу после Константина Бескова с его двенадцатью годами во главе команды, двумя чемпионскими титулами и еще семью подряд медалями других достоинств. Что бы творилось, будь тогда интернет и соцсети.

Но и то, и другое решил Старостин, а в отношении созданного им клуба чутье его не подводило. В итоге Симонян с о Спартакoм выиграл два чемпионата и три Кубка СССР, а Романцев – одно первенство Союза и восемь – России, один Кубок СССР/СНГ и три – России. И если Олег Иванович взял золото сразу, то Никита Павлович начал с шестого места. Сейчас при таких раскладах вероятности удержаться в «Спартакe» у него не было бы никакой. А тогда Старостин проявил терпение, и на третий год чемпионство пришло.

Когда я захожу в потрясающий музей «Спартакa» (в котором, если вы болельщик красно-белых, обязаны побывать), то один из первых артефактов, который бросается в глаза, – надтреснутые очки Старостина. Через них он видел больше и отчетливее, чем кто-либо в истории клуба. Сказать, что с основателем «Спартакa» повезло, – значит не сказать ничего. И как же его не хватает сейчас!

Часто вспоминаю о Николае Петровиче, который был для меня богом, когда я рос, и чья книга «Звезды большого футбола» была у меня настольной. И клянусь себя за то, что не успел сделать с ним большое интервью – об основании и истории «Спартакa», о сталинских лагерях, о красно-белых людях. Даже в возрасте за девяносто он сохранял ясность ума и феноменальную память – вот и Александр Мостовой, и Андрей Тихонов рассказывают, как начальник команды читал футболистам в автобусе наизусть длиннющие поэмы. И как считал на деревянных счетах быстрее любого человека, втрое моложе него и вооруженного калькулятором.

Четыре года при жизни Старостина я работал со «Спартакoм», имел доступ в раздевалку и в Тарасовку. Ну, в 1995-м Николай Петрович был уже слаб, но три-то предыдущих года куда я смотрел, о чем думал? О текущих событиях, которые мы с ним в небольших форматах и обсуждали, – когда, например, он высказал недовольство инициативой футболистов убрать с поста президента клуба своего ставленника Юрия Шляпина?

Досада на себя, на свое неумение видеть за деревьями лес после ухода Старостина сидит во мне до сих пор. И однажды – это было уже больше десяти лет назад – она побудила не повторять прежних ошибок и сделать книгу монологов великих спартакoвцев разных поколений, «Спартакoвские исповеди», расширенную и дополненную версию которой вы держите в руках. Я рад, что успел это сделать, – ведь скольких ее героев с нами уже нет!..

Дай бог здоровья остальным!

* * *

Черенков был и остается моим любимым футболистом всех времен и народов, Маслаченко – любимым комментатором. Конечно, у них не обходилось без ошибок – а кто не ошибается? Главное – как ты на эту оплошность реагируешь. И заносишься ли при успехах.

Федя – тот вообще уходил в себя, замыкался, как только его начинали прилюдно хвалить. Ему становилось стыдно. Зато, когда Валерий Карпин, ноунейм, только что пришедший в «Спартак» из воронежского «Факела», после проигрыша одесскому «Черноморцу» и результативной ошибки сидел в раздевалке, обхватив голову руками, и плакал, Черенков подошел к нему и тихо, со своей всегдашней мягкой интонацией сказал: «Валера, не плачь. Ты еще обязательно принесешь пользу “Спартаку”!» Может, потому, что великий Черенков нашел нужные и своевременные слова, Карпин тогда не загнал себя и стал в итоге большим футболистом.

Только для себя самого Федор находить их не мог – и на время таких тяжелых периодов ложился в больницу. Но, несмотря на пропущенные из-за этого месяцы и годы, провел больше всех матчей за «Спартак». И любили его люди особенно нежно, трепетно, благодаря его футбольному гению и тому, что представляли, пусть и не детально, проявления недуга, с которым Федору приходилось постоянно бороться. И слезы во время прощального матча Черенкова в 1994 году против «Пармы», когда Тамара Гвердцители пела «Виват, король!», а он совершал круг почета на плечах Дмитрия Аленичева – наверняка самые светлые в жизни каждого, кто видел это на стадионе или по телевизору.

Только он мог сказать более двадцати лет спустя такую фразу о своем юбилейном голе, забитом «Днепру» с более чем спорного пенальти: «Много лет меня мучила совесть из-за сотого гола». И его не нужно было называть по фамилии – когда говорили «Федя», все и так понимали, о ком речь.

А Маслаченко, человек фантастических харизмы, вкуса и жизнелюбия?! Обладатель самой живой, незаштампованной речи из всех советских футбольных комментаторов. Его русский язык и его «фишечки» были продолжением его самого, визировавшего интервью так: «Проверено! Мин нет!»

Я ведь не случайно сказал об ошибках и реакции на них. Вот одна история, полностью ее знают немногие. В 1993 году «Спартак» разгромил ЦСКА, 6:0. Хет-трик сделал Игорь Ледахов. Но Владимир Никитович, комментируя матч из кабины «Лужников», глядя на какой-то жутко маленький, черно-белый, замызганный экран, отчего-то принял Ледахова за Андрея Гашкина. И весь матч восхищался тем, что творит новичок «Спартака». Но ближе к концу игры на бровке, чтобы выйти на замену, появился... Гашкин. Маслаченко, увидев это и все поняв, на минуту замолк. А потом сказал на всю страну: «Ошибаются не только вратари, но и комментаторы». И извинился.

Но это еще не конец истории. О том, что было дальше, мне много лет спустя рассказал сам Ледахов, когда Владимира Никитовича уже не было в живых. Оказывается, после того матча Маслаченко пришел в раздевалку «Спартака», чтобы извиниться (!) перед полузащитником. Тот, едва с поля, долго не мог взять в толк, о чем речь. А когда понял, был просто потрясен поступком знаменитого человека, который вполне мог махнуть рукой на свой ляп и забыть его в следующую секунду, но посчитал себя обязанным пойти вниз и лично, в глаза, принести игроку извинения.

Потому что для тогдашних спартаковцев понятие совести и ее угрызений было не чем-то эфемерным, не просто словесной конструкцией. Фраза Андрея Старостина «Все потеряно, кроме чести» стала неотъемлемой частью красно-белого гена. Да, где-то к этому примешивался и элемент мифологии – допустим, в легендарной истории с просьбой капитана сборной Игоря Нетто к судье не засчитывать мяч Игоря Численко на ЧМ-1962, поскольку он пролетел в

боковую дырку в сетке, как выяснилось, было гораздо больше преувеличения, чем правды. Но мы-то, маленькие болельщики «Спартака», росли с абсолютным убеждением, что так и было, и так и надо, и цель не может оправдать средства! Разве это плохо?

Представляю, что случилось бы с братьями Старостинными и тем же Нетто, если бы они услышали, как десятилетия спустя президент клуба Андрей Червиченко в интервью называл «Спартак» «геморроем». Или если бы они увидели, как при его кратковременном правлении случились увольнение Олега Романцева после выигранного трофея (не случайно их, этих трофеев, вообще не будет следующие четырнадцать лет), омерзительный бромантановый скандал, взаимная непереносимость с болельщиками своего же клуба... Я ведь потому и назвал первую свою книгу о красно-белых «Как убивали “Спартак”», что в те несколько лет не только команда опустилась на низшее в своей российской истории десятое место, но, что куда важнее, были попораны главные принципы и идеи, на которых «Спартак» и его поклонники росли и жили.

Одним из этих главных принципов была демократия. Как ярко рассказывали те же Симонян или Исаев о тренировках, обсуждении состава и игровых эпизодов в звездном «Спартаке» 50-х между игроками во главе с капитаном Нетто, главным тренером Гуляевым и Старостинным! Футболисты свободно могли ляпнуть такое, за что из любой другой команды вылетели бы со свистом. А тут – рабочий процесс, не более. И все – ради дела, а не «я начальник – ты дурак».

Николай Петрович вообще создал систему, в которой не было места приказному стилю или взаимоотношениям, основанным на страхе. Какую-то несоветскую систему. Однажды мы с Евгением Ловчевым обсуждали, почему самые яркие футбольные эксперты старших поколений вышли именно из «Спартака» (помимо самого Евгения Серафимовича, вспомнили Юрия Севидова и Александра Бубнова). Вывод был однозначным: потому что если в большинстве других клубов к футболистам относились по-советски, то именно и только в старостинском «Спартаке» у игрока было право слова. И они за много лет научились не бояться того, что скажут вслух. По крайней мере, о футболе.

Потому-то, чувствуя все это на инстинктивном уровне, к «Спартаку» в те времена и тянулась интеллигенция, которой причастность к этой команде давала чувство хоть какой-то, но свободы. Это был клуб, в котором ценили Человека. Многие выдающиеся футболисты красно-белых играли в «Спартаке» по десять, двенадцать, а то и пятнадцать лет.

Сейчас о таком и подумать странно. Вот взять современный «Спартак». Тренеры с 2003 года (уже почти два десятилетия!) меняются почти каждый год, и не все дорабатывали даже один сезон. Генеральные директора – то же самое. Один раз за столько лет стали чемпионами – и уже через два сезона из костяка золотого состава в команде не осталось никого, кроме Зобнина. Новые руководители распродали всех, как на базаре.

То золото тоже ведь было достигнуто не благодаря, а вопреки. Единственный раз за тридцать чемпионатов России победителем стала команда, поменявшая тренера по ходу сезона (пусть и после первого тура). Массимо Каррера никого до «Спартака» сам не тренировал, не знал иностранных языков. Не играл, не работал и не жил за границей (за исключением ЧЕ-2016). В клуб словно специально наняли тренера, по всем объективным характеристикам не способного выиграть. И после ухода из «Спартака» он ничего не добился. А с ним – стал чемпионом. И это было так по-спартаковски!

Как и то, что оба последних выигранных Кубка России, в 2003-м и 2022-м, совпали с десятым местом, худшим в российской истории клуба.

Значит, чем хуже – тем лучше. А еще – чем лучше, тем хуже.

«Спартак» часто бил мимо ворот, в которых умещалась логика, но при этом выигрывал у нее всухую. Может, за такую иррациональность его и продолжают любить больше и неистовее всех. Она – единственное, что объединяет тот и этот «Спартак». Мой и... современный.

И столько прошло времени, сменилось поколений и людей, что я уже не рассчитываю на долгосрочное возвращение того «Спартака», на котором рос. А просто наблюдаю. Ну, и

переживаю, конечно. Хоть я и журналист, но это чувство, зародившееся во мне, шестилетнем, до конца вывести из себя невозможно.

Да и нужно ли?

* * *

После двух книг под общим названием «Как убивали “Спартак”» в конце нулевых годов я понял, что задолжал «Спартаку» позитива.

Нет, не владельцу, руководителям, игрокам, работникам офиса.

Я задолжал позитива... самому себе многолетней давности. Мальчишке, влюбленному в «Спартак», мечтающему прочесть и услышать о нем что-то доброе, вдохновляющее, познавательное.

Их ведь столько и сейчас, этих мальчишек! А также взрослых людей и людей в возрасте, которые обожают «Спартак» не меньше, но в поисках хорошего вынуждены отматывать пленку на годы и десятилетия назад.

Туда, где, к примеру, Федор Черенков заставлял нас вскакивать со своих мест и срывать голоса от восторга. Не знаю ни одного настоящего спартакковского болельщика, который рос в восьмидесятых и назовет лучшим футболистом мира кого-то другого, даже Диего Марадону. В противном случае это и не болельщик вовсе. А так, «любитель футбола». Для меня и всех моих единомышленников лучшим был Федя и только Федя.

Как-то раз мне довелось побывать в Концертном зале имени Чайковского и послушать музыку Сергея Рахманинова в исполнении знаменитого пианиста, преданнейшего спартакковского поклонника Дениса Мацуева.

В фойе встретил Черенкова с женой Ириной. И вспомнил слова Мацуева: «Люблю романтиков и творцов. На них все держится. Игра Черенкова, моего любимого футболиста, подобна музыке Шопена. Как у Фридерика каждая нота пропитана утонченным романтизмом, так у Федора – каждый пас».

Когда еще до выхода Мацуева на сцену мне удалось сообщить ему о приходе Черенкова, восторгу музыканта не было предела.

На следующий день пианист признался: «Ни на секунду своего выступления я не забывал, что в зале – Черенков. И это придавало моей игре особые эмоции». А услышав о том, что у спартаковца возникли сложности с местами в зале, воскликнул: «Что же вы мне сразу не сказали? Да Черенкова я бы хоть рядом с фортепиано посадил!»

Вот какую память должны оставлять о себе большие футболисты. Такие игроки заслуживают книг, сценариев, фильмов.

В середине нулевых я беседовал с голкипером «Челси» Петром Чехом, и он рассказал: «После Евро-88 я повесил в своей комнате в Пльзене портрет Рината Дасаева. Он был одним из лучших вратарей мира, а еще мне запомнилось, что он был капитаном, хотя стражам ворот повязку дают редко. Родители до сих пор живут в той квартире на первом этаже пльзеньской многоэтажки. А я до сих пор помню то фото Дасаева в красном... нет, синем свитере, в котором он защищал ворота сборной СССР в финале чемпионата Европы».

Кто-то из старых журналистов в начале девяностых предварял свой очерк потрясающим подзаголовком-разъяснением: «Не о забитом и пропущенном, а о забытом и упущенном».

Такой должна быть и эта книга.

Идея ее первого издания созрела ближе к осени 2010-го.

Еще в начале того года я думал о другом – перемежать в книге главы о суровой реальности воспоминаниями о прошлом. Тогда и состоялась, как выяснилось, моя первая беседа для нее – с лучшим бомбардиром в истории «Спартака» Никитой Симоняном.

Сказать, что я был в восторге, – значит не сказать ничего. У меня возникло чувство прикосновения к вечности. И не какого-то святочного, стерильного, искусственно-пафосного. А очень живого, смеющегося и плачущего, дающего потрясающее ощущение того времени, когда Никита Палыч играл и тренировал. С анекдотами и острыми углами, неожиданными откровениями об исторических фигурах и конфликтах, проявлениями высочайшего уровня культуры и здоровым футбольным матерком. И все это было настолько важнее, глубже повседневности...

В начале 2000-х вышла в свет спартакoвская энциклопедия, в создании которой я тоже поучаствовал. И раньше, и сейчас публиковались автобиографии знаменитых футболистов, в том числе и красно-белых.

А вот книги, составленной из монологов легенд «Спартака» разных поколений, еще не было. Этаких мини-автобиографий.

Впрочем, нет, не автобиографий. Исповедей.

Спартакoвских исповедей.

Главная идея этой книги – чтобы вы, читатель, увидели всю (ну, или почти всю) историю «Спартака» глазами его выдающихся людей. Чтобы вы хоть немного побыли ими.

Какие-то события наверняка происходили несколько иначе, чем их описывают герои книги. Но я принципиально решил не подвергать эти воспоминания дотошной правке. Потому что тогда это были бы уже не исповеди.

То, что вы прочитаете, – не сухой, исторически объективный, выверенный до буквы очерк об истории «Спартака». А коллективный автопортрет команды, вдохновенно написанный ее настоящими героями. Моим делом было лишь переложить их удивительные рассказы на бумагу.

Много лет назад мне довелось побывать в Риме (тоже спартакoвское, в прямом смысле слова, место, не правда ли?) у стен Колизея. Вокруг – десятки тысяч камней, древних раскопок, чудес археологии.

Мне безумно повезло с гидом. За часа три прогулки она оживила все эти камни, поведала о каждом из них массу увлекательных историй – восхищавших, изумлявших, возмущавших. Древняя цивилизация словно восстала из этих руин.

Надеюсь, что «Спартакoвские исповеди» станут для кого-то из вас тем же, чем для меня – рассказ того гида. Только рассказчиками – откровенными, свободными, яркими – будут те, кто эту историю и делал. Эти люди не уходят от трудных тем. Избегают банальщины, общих мест. Порой выясняют отношения и выплескивают обиды – и это спустя десятилетия-то! Иногда бичуют и себя.

Ни один из полутора десятков разговоров, продолжавшихся от двух до пяти часов, меня не разочаровал. Надеюсь, не разочарует и вас.

Когда-то Николай Губенко снял фильм с Евгением Евстигнеевым, Натальей Гундаревой и другими замечательными актерами под названием «И жизнь, и слезы, и любовь». Болельщики красно-белых легко и естественно могли бы заменить любое из трех слов в этой фразе на «Спартак». Он ведь для них и есть – любовь, и слезы...

И жизнь.

Никита Симонян «Василий Сталин сказал: спасибо за правду. Играй за свой “Спартак”»

Пусть ему в то время было не девяносто пять лет, как сейчас, а восемьдесят четыре, но, часами завороженно слушая Никиту Павловича, в это невозможно было поверить. Перед глазами живой легенды мирового футбола (именно так назвал Симоняна в разговоре со мной тогдашний президент ФИФА Йозеф Блаттер) прошла почти вся история «Спартака», память его – феноменальна. Всем, у кого есть возможность и кому небезразличны красно-белые цвета, с ним надо говорить и говорить. Записывать и записывать. Не делать этого – преступление, в чем я лишний раз и убедился, на протяжении четырех часов наслаждаясь беседой с Никитой Павловичем – четырехкратным чемпионом СССР в качестве игрока «Спартака» и двукратным – в роли его главного тренера (еще один раз он выиграл первенство во главе ереванского «Арарата»).

Мы общались в спорткомплексе «Олимпийский», ныне снесенном, во время Кубка чемпионов СНГ 2010 года. За окном леденила кровь январская стужа, а в пресс-центре арены на проспекте Мира я с каждой минутой все больше погружался в совсем другую жизнь. С точки зрения души и человеческих отношений – несравнимо более теплую. И естественную. Такую, каким в симоняновские годы был сам «Спартак».

Никита Павлович и сейчас говорит громко, красиво, чеканя каждое слово. А уж тогда... Какой это был подарок пожилым сотрудникам пресс-центра Кубка Содружества – вы не представляете. Я краем глаза видел их лица. Они замерли, напрочь забыв о суете. Перед ними заново разворачивалась история их молодости, их футбола.

* * *

– 26 декабря 2009 года на стадионе имени Игоря Нетто на Преображенке я участвовал во встрече ветеранов «Спартака» многих поколений. Такие встречи в последние годы вошли в добрую традицию. Клуб собирает чуть ли не до ста человек, поздравляет с наступающим Новым годом, накрывает стол, вручает подарки. И это здорово, потому что позволяет всем нам чувствовать себя одной семьей. От олимпийских чемпионов Мельбурна-1956 – Парамонова, Исаева, Ильина и меня – до ребят, игравших в «Спартаке» в девяностых годах. Я одиннадцать лет отдал родному клубу как игрок, еще столько же – как старший тренер, и мне есть чем поделиться, что вспомнить. Многим другим – тоже. Убежден, что без идеалов и традиций настоящего клуба быть не может. И на таких вот предновогодних встречах мы острее ощущаем необходимость в преемственности поколений.

Сейчас в это трудно поверить, но судьба складывалась так, что я должен был стать торпедовцем. Переехав в 1946-м в Москву из Сухуми, играл за «Крылья Советов». Но в 1948-м эта команда заняла последнее место, и ее было решено распустить, а игроков по разнарядке распределить в другие клубы. Вот меня и направили в «Торпедо».

Но я хотел в «Спартак». Ведь туда из «Крыльев» перешли оба тренера – Абрам Дангулов и Владимир Горохов, и они позвали меня с собой. Сказали, что сделают из меня второго Боброва, в ЦДКА лучший бомбардир, но не всего чемпионата-1947, и чье имя гремело повсюду.

У Горохова, которого считаю своим вторым отцом, я три года проспал на сундуке в темном чулане. С жильем тогда, после войны, был полный караул, люди в основном жили в бараках. Вот Горохов меня и приютил. Но спать, кроме чулана и сундука, было негде: я подклады-

вал матрац – такая вот «кровать» и получалась. Бывало, что они с женой приглашали меня в свою комнату, но спустя неделю Владимир Иванович начинал ходить вокруг меня и сопеть.

– Понимаю, вам нужно супружеские обязанности выполнять, – кивал я. И шел на свой сундук.

Этому человеку принадлежала инициатива пригласить меня из Сухуми в «Крылья», когда я во время сборов сыграл два матча против их юношеской команды. Горохов стал для меня родным, и мне невозможно было представить, что придется играть против его команды.

И я подал заявление в «Спартак». Была и другая причина: в нападении «Торпедо» блистал Александр Пономарев, и я, еще неоперившийся, понимал, что конкуренции с ним не выдержу. Много лет спустя Пономарев говорил мне, что зря я не пошел в «Торпедо» – ставили бы нас вдвоем, и мы терзали бы всех. Но сомневаюсь. Потому что по характеру Пономарев был ярко выраженным лидером и, окажись я результативнее него, он воспринял бы это очень болезненно. Конкуренции не потерпел бы. Так что я все решил правильно.

Но официально я должен был оказаться в «Торпедо», и устроить переход в «Спартак» было непросто. Как-то рано утром за мной приехала машина. И отвезли меня не к кому-нибудь, а к директору будущего ЗИЛа – тогда он назывался ЗИС, Завод имени Сталина – Лихачеву, человеку влиятельнейшему. Если бы тот наш разговор сейчас показали по телевизору, было бы сплошное «пи-и» – мат шел через слово.

– Как ты до такого додумался – за этих тряпичников играть?! – бушевал Лихачев.

Я все это выслушал и сказал:

– Иван Алексеевич, все-таки я хочу в «Спартак».

– Ладно, иди играй за свой «Спартак», – резюмировал директор. – Но запомни, что тебе дороги в «Торпедо» никогда больше не будет, даже если у тебя на заднице вырастут пять звездочек.

Ну, это я смягчил, задница была на букву «ж».

Живя в Сухуми, я слушал радиорепортажи, заочно знал капитана «Спартака» Андрея Старостина, знаменитых вратарей – Акимова, Жмелькова. Николай Петрович мне потом говорил, что Жмельков – самый сильный вратарь в истории «Спартака», в тридцатых годах за один сезон он взял восемь пенальти! Сказать, что я прямо-таки болел за «Спартак» в то время, не могу. Главной причиной были тренеры.

* * *

Упорство, необходимое для отстаивания своего права играть за «Спартак», мне нужно было проявлять не только при переходе. В 1951-м, когда я уже играл и всю забивал за красно-белых, мы с командой находились в санатории имени Орджоникидзе в Кисловодске. Пошли в санаторный клуб. И вдруг слышу:

– Симонян, на выход!

Выхожу – а там стоит Сергей Капелькин, бывший игрок ЦДКА, и Михаил Степанян. Оба они были адъютантами Василия Сталина – сына вождя и патрона команды ВВС.

– Никита, есть разговор...

Повезли на госдачу, которая была недалеко от санатория. И начали:

– Василий Иосифович приглашает тебя в команду. Можешь себе представить – вы с Бобровым будете сдвоенным центром, всех на части порвете!

– Из «Спартака» никуда не уйду, – отрезал я.

Попытались зайти и с другой стороны: мол, Василий Иосифович, как депутат Верховного Совета СССР, приглашает тебя на прием. На меня не подействовало и это. Хотя условия он для игроков создавал фантастические – квартиры, которые тогда были наперечет, и прочее.

Самым действенным оказался третий способ – накачали меня спиртным, причем, сволочи, прилично накачали, ха-ха. А потом говорят:

– Слушай, ну ты можешь себе представить: командующий послал военно-транспортный самолет, шестерых летчиков, нас, двух м...ков – и мы приедем, не выполнив задания. Что он с нами сделает?! Никита, знаешь что, давай поедем – а если ты хочешь отказаться, то сделай это у Василия Сталина.

В трезвом состоянии я бы от такой затеи отказался, а тут махнул рукой: ну ладно, поедем. Привезли меня в аэропорт Минвод, в самолете накрыли мехами, за время полета я отоспался.

В Москве нас встречал полковник Соколов, который потом повел себя по отношению к Василию как последний гад. Отвезли меня на Гоголевский бульвар, дом семь, где Сталин-младший жил. Каждый раз, когда проезжаю эти места, вспоминаю...

Посадили меня на диван – и тут выходит Василий Иосифович в пижаме. Мне показалось, что он был уже подшофе. Но, может, только показалось.

И начал с ходу:

– Я поклялся прахом своей матери, что ты будешь у меня в команде. Отвечай!

Может быть, в силу молодости и непонимания серьезности ситуации о последствиях я не подумал. И сказал, что хочу остаться в «Спартаке». Сталин неожиданно спокойно отреагировал:

– Да? Ну иди...

Я побежал вниз. А за мной – его адъютанты. Бегут – и говорят, что командующий просит меня вернуться.

А тогда первым секретарем московского областного комитета партии был Никита Хрущев, городского – Иван Румянцев. И Василий сказал:

– Слышал, ты боишься препятствий со стороны Хрущева и Румянцева? Если в этом дело, то не волнуйся, я с ними договорюсь, улажу.

– Да нет, Василий Иосифович, – отвечаю я. – Прекрасно понимаю, что, если дам согласие, через пять минут буду в вашей команде. Но, знаете, в «Спартаке» благодаря партнерам и тренерам я вроде бы состоялся как игрок. Разрешите мне остаться в «Спартаке».

Вот это его подкупило. Он тут же обратился к своим – а их там было человек шесть – семь:

– Вы слышали? Правда лучше всех неправд на свете! Спасибо, Никита, что ты сказал мне правду. Иди играй за свой «Спартак». И запомни, что в любое время, по любым вопросам ты можешь обратиться ко мне, и я всегда приму тебя с распростертыми объятиями.

Но и это еще не конец истории. Жил я тогда на Песчаной, и часов в девять-десять вечера раздался звонок в дверь. Я решил: опять за мной. Открываю – стоит солдатик. И протягивает мне, как сейчас помню, форму № 28 со звездочкой: «Вам билет на поезд в Кисловодск». Мало того, тут же позвонил Виктор Макаров, который в свое время был председателем российского совета «Спартака», но Сталин-младший переманил его в ВВС:

– Никита, командующий просит проводить тебя на вокзал и ждать, пока не исчезнет последний вагон. Ты ему понравился за правду, а время-то позднее, сам понимаешь...

– Да доберусь я, Виктор Иваныч, что вы!

– Ну, если командующий при встрече спросит тебя, скажи, что я тебя проводил.

Я уехал, и обошлось без всяких приключений. Возвращаюсь в Кисловодск. А меня уже все хватились, никто не может понять, что происходит.

– Где ты шляется, б...?!

А я решил их разыграть. Подбоченился и говорю:

– Как вы смеете так разговаривать с офицером Советской армии?

– Каким еще офицером?

– Офицером и игроком команды ВВС.

– Не говори глупости.

– Не видите, что ли?

И показываю им эту самую форму № 28.

– Спартакские болельщики тебе за это морду набьют, – с чувством ответили мне. – И правильно сделают.

Только тут я и объяснил, что это розыгрыш. И рассказал, как все было на самом деле.

Вскоре после смерти отца Василий Иосифович на восемь лет оказался в заключении, которое провел во Владимирском центре. И когда он уже освободился, я как-то ужинал в ресторане «Арагви» и на выходе встретил его.

– Ой, Никита, здравствуй! Как я рад тебя видеть!

Обнялись. Он предложил как-нибудь встретиться, сказал, что ему страшно хочется поговорить о футболе. Я ответил, что готов в любое время. Но вскоре он сбил на машине какую-то старушку, и его отправили на поселение в Казань, где он позднее и умер. А упомянутый мною полковник Соколов, сволочь, дал показания на суде, что, когда я вышел из особняка, в котором Сталин переманивал меня в ВВС, Василий якобы дал указание пристрелить меня где-то из-за угла.

Его похоронили в Казани, но потом перезахоронили на Троекуровском кладбище в Москве. И я каждый раз, когда туда приезжаю, приношу цветы на его могилу. Все-таки в то время он так отнесся ко мне. Не сломал жизнь.

* * *

О причинах многих переходов из одной команды в другую болельщики тогда и не догадывались. Вот, к примеру, случай с Сергеем Сальниковым. Как народ был возмущен, когда он в 1950 году ушел из «Спартака» в «Динамо»! Посчитали это предательством из предательств. Освистывали нещадно. Более того – его и партнеры в «Динамо» игнорировали, тот же Бесков. Мы это видели.

А на самом деле он перешел из благородных побуждений. Его отчим, к которому он с большим уважением относился, по какой-то причине был арестован. Для того, чтобы его вытащить из мест не столь отдаленных или по крайней мере как-то облегчить судьбу, Сальников в «Динамо» и перешел. Но после того, как отчим вышел из заключения, Сережа тут же вернулся в «Спартак».

За это с него сняли звание заслуженного мастера спорта. Но переход разрешили. Помню, играем мы в Донецке (тогда город еще назывался Сталино), и приходит телеграмма: «Лишился заслуженного, приобрел вас» – копия этой телеграммы есть в музее «Спартака». Болельщики спартакские его быстро простили. Не так отнеслись, как зенитовские к Володе Быстрову, когда он вернулся в Санкт-Петербург...

У меня с переходами, как вы уже поняли, тоже историй хватало. Я ведь мог не только в «Торпедо», но и в тбилисском «Динамо» оказаться. В 1946-м, когда я в «Крылья Советов» перешел, из-за погодных условий игру первого тура чемпионата Союза, по удивительному совпадению, провели в родном Сухуми. Играли против «Динамо-2», которое потом превратилось в минское «Динамо». Мы выиграли 1:0, я забил, но дело не в этом, а в том, что в день той игры без объяснения причин арестовали моего отца и произвели в доме обыск. Чуть погодя ему сказали:

– Пусть твой сын едет в тбилисское «Динамо» – и мы тебя отпустим.

Отец, гордый человек, ответил:

– Я ни в чем не виноват, а сын пусть играет там, где хочет играть.

У этой истории, к счастью, удачный конец: отца выпустили. О том разговоре он мне уже много позже рассказал. А в тот день я играл, уже зная о его аресте. И имел все основания опа-

саться за собственную судьбу. Был у меня один знакомый, работавший в комендатуре НКВД, и он сказал мне:

– Никита, у меня есть информация, что после игры тебя должны арестовать и отправить этапом в Тбилиси.

Ко всему прочему, в том матче я еще и травму получил, ходить без боли не мог. Но не поехал со стадиона вместе с командой, а втихую пошел вместе с Абрамом Христофоровичем Дангуловым пешком к сухумскому железнодорожному вокзалу. Сели в поезд и сошли не в Сочи, а на предыдущей станции: мало ли, прознают и встретят. Более того, ребята из «Крыльев», которым я все рассказал, после матча взяли меня в кольцо и вывели со стадиона так, чтобы никто не мог подобраться.

Но на следующий год мне в Тбилиси все-таки пришлось съездить. Тогда в Грузии и, в частности, в Абхазии начались репрессии против нацменьшинств – скажем, из Сухуми отправили два состава греков в Среднюю Азию. И когда председатель НКВД Абхазии Гагуа сказал, что меня «приглашают поговорить» в Тбилиси, родители сказали: сынок, поезжай, а то ведь и нас могут куда-нибудь выслать. Дядю моего, кстати, в итоге все-таки отправили в Среднюю Азию, он там и умер. А родителей не тронули.

Кстати, когда меня спрашивают о секретах долголетия, думаю, что это в первую очередь гены. Если бы мой отец не был очень тяжело ранен во время немецкой бомбежки Сухуми, после чего год неподвижно пролежал, то наверняка прожил бы намного дольше. Я не святой человек. Всегда привожу в пример классика, Андрея Петровича Старостина. Ему было под восемьдесят, и на вопрос: «Как здоровье?» он отвечал: «Грамм на сто пятьдесят»...

В Тбилиси меня встречал великий Борис Пайчадзе. Отвел к заместителю министра внутренних дел Грузии полковнику Гуджабидзе. Он начал:

– Слушай, за кого ты играешь? И грузин, и армян в Москве чурками называют, абреками. Надо играть за Грузию. Мы тебе все сделаем! Дом надо? Дом сделаем!

Я начал изворачиваться:

– Мне в Москву нужно съездить за паспортом.

– Какой паспорт?! Завтра у тебя будет новый паспорт. Захочешь – Симонишвили будешь!

Я вернулся в гостиницу и понял: нет, ни за что не останусь. Написал письмо глубоко мною уважаемому Борису Пайчадзе с извинениями – и уехал.

Все мы на своей шкуре испытали, что такое была та диктатура. Взять хотя бы расформирование в 1952 году «команды лейтенантов», после того как ее костяк в составе сборной СССР проиграл на Олимпиаде в Хельсинки. Я в ту команду, хоть и был лучшим бомбардиром двух последних чемпионатов страны, не попал: в Леселидзе, где тренировались два состава национальной команды, побывал, но дальше дело не пошло.

Хоть мы, спартаковцы, и были конкурентами армейцев, но оказались в шоке от решения о расформировании. Не помню, чтобы хоть кто-то злорадствовал. Правда, если и обсуждали эту тему между собой, то негромко и осторожно – во всех командах имелись стукачи, система без этого обойтись не могла. Кто именно «стучал», конечно, не знали, но это всегда надо было иметь в виду.

Тем не менее я и тогда считал, и сейчас уверен, что роспуск армейской команды был настоящим преступлением перед отечественным футболом. Потребовалось немало лет, чтобы команда возродилась. А к нам в «Спартак» тогда из армейского клуба пришли Всеволод Бобров и Анатолий Башашкин – футбольные гиганты! Правда, играть со Всеволодом Михайловичем было непросто, поскольку он был настолько жаден к мячу, что, будучи открытым или закрытым, в любой ситуации просил отдать ему пас.

Но какой же это был мастер! До сих пор не могу забыть матч в Киеве, когда один из защитников киевлян грубо выкинул его на гаревую беговую дорожку, и Бобер разордал себе лицо и плечо. Счет тогда был 0:0, но он разозлился и во втором тайме с двух моих передач забил

два фантастических гола. И «Спартак» выиграл 2:0. Так что он, пусть и был великим армейцем, внес вклад в историю нашего клуба не только как тренер-чемпион хоккейного «Спартака», но и как форвард футбольного.

Наши болельщики приняли Боброва и Башашкина хорошо. Отношения между поклонниками «Спартака» и армейцев были доброжелательными или, по крайней мере, нормальными. Главным врагом и для одних, и для других были московские динамовцы. Многие спартакосские и армейские игроки тоже дружили – я, например, с Башашкиным (в пору, когда он играл за «команду лейтенантов»), Деминым, Николаевым. И в «Спартак» Бобров с Башашкиным шли с охотой, не из-под палки, потому что играть-то после роспуска их команды надо было. Хотя это тоже были переходы по разнарядке: их отправили к нам, других армейцев – в другие команды.

Те болельщики отличались от нынешних тем, что после игры поклонники команд-соперниц шли разливать на троих. Но где два человека из противоположных лагерей найдут третьего? Они кричали: «Так, кто Башашкин?» А дело было в том, что этот великий защитник играл под третьим номером. «Башашкин» всегда находился. Люди не дрались, не били друг друга морды, а мирно обсуждали исход игры.

* * *

Для меня дата рождения «Спартака» – 19 апреля 1935 года. До того были разные названия, разные клубы, в которых играли не только спартакосцы, но и торпедовцы, динамовцы, железнодорожники. Он назывался и «Пищевик», и «Красная Пресня», и «Трехгорка». Что же касается столетия клуба, то, извините меня, отношусь к этому не то чтобы негативно, но спокойно. Мой «Спартак» родился в 1935-м. Для братьев Старостиных, а мы долго проработали вместе, датой рождения клуба тоже была эта дата, и я с ними полностью согласен.

Вообще, Николай Петрович – мой кумир. Это человек, который создал «Спартак», он, по сути, и дал мне дорогу в тренерскую жизнь. На поминках его супруги, Антонины Андреевны, я сидел рядом с Андреем Петровичем и Александром Петровичем. И оба говорили о брате, что он великий человек и нельзя это забывать! Абсолютно с ними согласен, для меня он человек «Спартака» номер один.

При Абраме Дангулове «Спартак» после неудачных сороковых годов начал путь к возрождению, выиграв в 1950-м Кубок СССР. Причем по ходу турнира мы обыграли и еще не расформированную команду армейцев, и «Динамо». Благодаря тому Кубку я обзавелся первой своей отдельной квартирой.

До того, после трех лет дома у Горохова, я жил в 15-метровой комнате на улице Горького, ныне – Тверской, на десятом этаже. Малоприятная история. В той «трешке» жил бывший зам Сергея Кирова в Ленинградском обкоме партии Александр Угаров. Потом он был назначен на ту же должность второго секретаря в Москве, а затем его репрессировали. Сына тоже посадили, а комнаты раздали другим людям, в том числе мне. Я ничего об этом не знал – и хорошо. Трудно было бы жить в таком месте, зная его историю. Узнал гораздо позже.

А когда «Спартак» выиграл Кубок СССР в 1950 году, председатель Мосгорисполкома Яснов, наш болельщик, помог почти всей команде решить жилищные трудности. Я получил свою первую полноценную квартиру, «двушку» – на Новопесчаной улице.

При Дангулове и Горохове, тренерах, с которыми я перешел из «Крыльев Советов», мне дважды подряд удалось стать лучшим бомбардиром чемпионата СССР. В 1950-м я установил тот самый рекорд – 34 гола за первенство, – который удалось побить только Олегу Протасову.

О том, насколько честными были многие из тех голов Олега в «Днепре», говорилось много. Но я к коллеге, несмотря ни на что, отношусь с уважением. Мы сотрудничали в период работы в сборной Лобановского. И ни разу я даже намеком на тот рекорд ему не указал. Но и

он на откровенный разговор со своей стороны не шел. Только сам Протасов знает, можно ли получать удовлетворение от таких голов. Когда я видел, как в последнем туре забивались два мяча «Торпедо», – это был просто абсурд. Там вокруг вообще никого не было!

Когда ребята по поводу того рекорда все время над ним подтрунивали, он склонял голову и молча шел в раздевалку. Я ни разу не дал повода для того, чтобы он затаил на меня обиду. В порядке юмора приведу пример. В первом круге Олег забил то ли восемь, то ли девять голов, а во втором круге начал идти на побитие рекорда, забивая в каждом матче по два-три гола. И вот однажды в комнату, где были тренеры и администраторы сборной, вдруг зашел главный тренер «Днепра» Владимир Емец. Борис Кулачков, наш администратор, сказал ему:

– Владимир Александрович, как же так, всем же видно, что вы тащите и договариваетесь, чтобы Протасов побил рекорд Палыча. Но Палыч забивал честные голы.

Этот остроумный стервец сделал паузу и бросил в ответ такую фразу:

– А Стаханов?

Стало ясно, что рекорд будет побит. Но удовлетворен ли Протасов этим достижением – не знаю. Я бы все эти подготовленные мячи специально посылал подальше от ворот, но каждому свое. А то, что он отличный и выдающийся игрок, – без сомнений. Но пошел на это, его дело, такие ценности у людей.

А когда для прессы Олег говорит о том, что на него тогда играла вся команда, хочется спросить: «Скажи, пожалуйста, а всем остальным игрокам вашей команды специально сказали не открываться?» Ведь видно было – все пассивны, стоят на месте, и открывается только один Протасов, которого почему-то не преследуют защитники. Хотя опасность исходит от него одного. То, что разговоры на эту тему ведутся до сих пор, Олегу наверняка неприятно.

Впрочем, вернусь к тем временам, когда такое было невозможно. Тренер Дангулов был уникальным человеком. Со всеми игроками разговаривал на «вы». Матом он на моей памяти выругался только один раз, и единственный же раз за всю мою жизнь из раздевалки проигравшей команды раздавался гомерический хохот. У нас была серия неудач – проиграли в Риге, «горим» в Киеве 0:2. В перерыве он увидел фибровый чемодан Олега Тимакова, подошел к нему – и как двинет ногой этот чемодан, что тот под лавку улетел! И крикнул:

– Да вы, б...ди, наконец будете играть или нет?!

Эта фраза и такое поведение настолько не вязались с личностью Абрама Христофоровича, что мы все дружно... заржали. А потом приехали в Москву – и нас прорвало! Одним шесть забили, другим семь. То есть, выходит, помогла такая мера воздействия!

Бытует стереотип, что в советские времена все тренеры были сплошь диктаторами и на них наложил отпечаток стиль того времени. Не согласен. Взять, например, Бориса Аркадьева – не просто выдающегося тренера, но и образованнейшего, интеллигентнейшего человека. Тренер «Крыльев Советов» Александр Абрамов как-то поинтересовался у него:

– Борис Андреевич, а какие меры вы принимаете, узнав, что ваша команда после игры нарушила режим?

Тот ответил:

– Александр Кузьмич, а после игры меня эта банда не интересует!

Это был самый настоящий западный профессиональный подход. А потом Аркадьев еще и добавил:

– Берегите нервную систему. Как? Очень просто. Лично я после игры прихожу домой, наполняю ванну теплой водой, отключаю телефон и читаю в ванне книгу.

Так же и Гавриил Качалин. Демократ до мозга костей! Но именно он выиграл с советской сборной первый Кубок Европы, Олимпийские игры, а его тбилиское «Динамо» впервые стало чемпионом Союза. Потому что при всем воспитании у Гавриила Дмитриевича была достаточная требовательность к игрокам, к атмосфере в команде, к тренировочному процессу. Мы про-

сто умирали на поле за Качалина, поскольку это был потрясающий человек. Поэтому не важно, кто тренер по стилю – либерал или диктатор. Главное, чтобы он выигрывал.

Константин Бесков по характеру был совсем другим. В середине восьмидесятых, когда он работал в «Спартаке», я спрашивал Николая Петровича Старостина:

– Как вам работаете с Константином Ивановичем?

– Ну что тебе сказать? – вздыхал Старостин. – Можешь посчитать: год работы с Бесковым – за три, а я с ним работаю уже восемь лет.

Закоренелый трезвенник, Николай Петрович еще и пожаловался мне, что Бесков выпивает. Я в годы работы тренером не представлял себе, что можно до игры выпить даже пятьдесят граммов водки или коньяка. А Старостин говорил:

– Представляешь, Никита, раньше он выпивал до игры, потом стал выпивать после игры, а сейчас – и в перерыве!

Я смеялся:

– Да ладно, Николай Петрович, тут вы уж загнули.

– Нет-нет! Пока он делает указания на вторую половину, в массажной Миронов ему уже готовит. Команда уходит из раздевалки, он – хлобысь! – и пошел.

Но удар Костя, надо сказать, держал. Мог ведро выпить – и не опьянеть. Как и Лобановский. Тот вообще наутро вставал и – на пробежку. Со временем, правда, заменил ее ходьбой.

Притом что у Лобановского результаты были выше, определенные достоинства Бескова нельзя было не отметить. У него был очень хороший вкус на подбор игроков и способность добиться от них прогресса. Это было очень важно, как и комбинационный стиль игры, который он проповедовал. Константин Иванович бывал очень недоволен, если команда выигрывала, но не показывала зрелищного футбола. И все же за почти сорок пять лет работы выиграть всего два чемпионата и три Кубка – на мой взгляд, слишком мало.

Николай Петрович говорил, что в решающие минуты главных матчей Бесков трусил. А перед ними – перегибал с жесткостью. Мне рассказывали, что за день до финала Кубка СССР 1981 года против ростовского СКА команда собралась в холле базы в Тарасовке, игроки шутили, смеялись. Вошел Бесков, увидел все это – и «понес» на них:

– Вы что тут веселитесь? Пошли на собрание!

И на том собрании как начал их чихвостить часа на два – чуть ли не до половины первого ночи сидели. Все позитивное настроение, ожидание долгожданного финала ушло, возникла напряженность – и на следующий день «Спартак» проиграл.

А освободили Константина Ивановича из «Спартака» потому, что он сам хотел уволить Николая Петровича, а также Юрия Шляпина и директора базы в Тарасовке. Летом Бесков написал заявление об уходе – его не удовлетворили, но не разорвали, а положили под сукно. А потом, когда он хотел провести против них эту акцию, – вытащили. Так мне, по крайней мере, рассказывал сам Старостин.

Кстати, что касается Лобановского, с которым мы много лет проработали вместе в сборной СССР, то, невзирая на всю конкуренцию его киевского «Динамо» со «Спартаком», не слышал от него ни одного не то что оскорбительного, а даже обидного, ироничного слова в адрес красно-белых. Он был тренером с большой буквы и относился к конкурентам с большим уважением. Без любви – это конечно. Но без всякой личной неприязни.

Также миф – его неприязнь к Федору Черенкову, которого он якобы поэтому не брал на чемпионаты мира и Европы. Валерий Васильевич боялся за его здоровье. Учитывая те высокие нагрузки Лобановского, которые были равнозначны для всех. Щадящего режима не было ни у кого.

* * *

Меня всегда удивляло, что «Спартак» стали называть «мясом», а уж когда молодые игроки современного поколения стали демонстрировать футболки с надписью: «Кто мы? Мясо!» – удивило еще больше. При чем тут мясо? Вот ЦСКА «конями» давным-давно стали называть, спартакоские болельщики еще много десятилетий назад придумали четверостишие:

Вот раздался стук копыт,
Показалось дышло.
Это ваше ЦСКА
Из конюшни вышло!

А «мяса» в отношении «Спартака» не было. Несмотря ни на какую промкооперацию, помогавшую команде. Было слово «тряпичники», сформулированное, как я уже рассказывал, директором ЗИСа Иваном Лихачевым. А во времена братьев Старостиных спартакосцев называли – «бояре». Вроде как привилегированное общество – театры, бега... Это объяснялось богемным образом жизни, который многие спартакосцы вели.

Но я не хотел бы, чтобы «Спартак» опять стали называть «боярами». Дело прошлое. А недоброжелатели тогда называли нашу команду «тряпичниками», поскольку «Спартаку» помогали частные артели, за ним не стояло никаких силовых структур, министерств и больших заводов. Меня, например, «Спартак» на какое-то время прикрепил к артели «Восточные сладости». Так что, на мой взгляд, команда действительно – народная!

По части богемности особенно выделялся Андрей Петрович Старостин. У него жена была цыганка, Ольга Николаевна. И стиль его жизни я бы назвал цыганщиной. Преферанс, бега, театр... Старостины привлекли к «Спартаку» интеллигенцию и сами были интеллигентами до мозга костей.

Михаил Михайлович Яншин был его близким другом. Андрей Петрович с Николаем Петровичем антиподы были, и проявлялось это даже в том, что если один говорил: «Он здорово играет!», второй обязательно возражал: «Да он играть не умеет!» Спорили до хрипоты. Третий брат, Александр Петрович, тоже с ними всегда не соглашался.

Помню такой случай, когда я тренировал «Спартак». Играем в Москве со «Стоук Сити» – командой, за которую в свое время выступал сам Стэнли Мэтьюз. Первый тайм в воротах Маслаченко, на второй я поставил Лисицына¹. После игры заходит в раздевалку Александр Петрович, весь красный. Пили они водочку, и, думаю, граммов семьсот в нем уже бултыхалось. И говорит:

- Да, здорово второй тайм сыграл Маслаченко!
 - Играл-то Лисицын! – фыркает его брат Андрей.
 - Да пошел ты!
 - Но я же тебе говорю, что играл Лисицын!
 - А я тебе еще раз говорю: пошел ты!
 - Ну ладно, ты у Никиты спроси, он же тренер.
 - Александр Петрович, второй тайм играл Лисицын, – подтверждаю я.
- Тот делает паузу и резюмирует:
- Да? Все равно здорово сыграл!

¹ Этот эпизод, вероятнее всего, произошел во время другого матча: в игре со «Стоук Сити» Лисицын заменил Маслаченко на 77-й минуте.

Обсуждения эти, конечно, велись не при игроках, которые были в душе. Стояли в стороне и спорили.

Мы, еще будучи игроками, знали, что Старостины родили «Спартак», и нам они казались чуть ли не инопланетянами – по степени уважения, которое мы к ним испытывали. Даже заочно, когда они еще были в заключении. А уж потом, когда Николай Петрович стал начальником команды, не было случая, чтобы он перед игрой не поднял наш дух. Андрей Петрович тоже часто появлялся в команде, Александр – меньше, а Петр – почти никогда.

Бывало, Николай Петрович спрашивал Гуляева:

– Николай Алексеевич, сколько вам времени нужно на установку?

– Ну, минут двадцать...

Двадцать минут Гуляев говорил, и, когда время выходило, Старостин стучал карандашом по графину.

– Сейчас-сейчас, Николай Петрович, заканчиваю!

Старостин брал слово и говорил прямо противоположные вещи тому, что только что прозвучали! Установка установкой, а настрой всегда был за Старостиным. Поэтому мы его и прозвали Чапаем. Чапаев же в фильме с картошкой в руке говорил: «Как выступать будем, командиры?» – «Так-то и так-то». А он – раз им картошкой! «То, что вы говорили, наплевать и забыть, а теперь слушать, как я командовать буду!» Вот Старостина и прозвали – Николай Чапаев. И ему это нравилось.

* * *

Лично не спрашивал у Николая Петровича, правдива ли каноническая история, что братья размышляли, как бы назвать новую команду, и тут его взгляд упал на книгу Рафаэлю Джованьоли «Спартак». Но, думаю, этой версии надо придерживаться. Хотя говорили и то, что Александр Косарев, секретарь ЦК комсомола, участвовавший в основании клуба, предложил название «Спартак», поскольку в те годы Гитлеру в Германии противостояло спартаковское движение. Помню даже стихи Михаила Светлова:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов.

Но ведь и те спартаковцы взяли свое название из великой истории о гладиаторе, воспетой Джованьоли в XIX веке. Так что в любом случае корни – оттуда.

Авторитет у Николая Петровича был сумасшедший. Того же Гуляева Старостин ценил за его трудолюбие. Николай Алексеевич на самом деле был такой вол, который мог пахать с утра до ночи. Но такой изюминки, как у того же Бескова, конечно, у него не было. И наши игроки в пятидесятых годах по уровню превосходили своего тренера.

Помню, построил он нас и говорит:

– Мальчики, у нас сейчас пробежка – вокруг поля три круга.

Потом, глядя в блокнот, стал перечислять упражнения. Закончил, и тут подает голос Игорь Нетто, капитан:

– Этими глупостями мы заниматься не будем.

Выходит на поле Старостин – прямо с электрички. Видит, что страсти закипают, и сразу:

– В чем дело?

– Как в чем, Николай Петрович? – возмущается Нетто. – Они не дают нам тренироваться, нудятину какую-то предлагают! Мы же хотим пропотеть, нагрузиться!

У Гуляева были большие паузы между упражнениями, а Нетто понимал, что команде нужна более интенсивная работа. Мы хотели работать больше, чем тренеры предлагали!

Старостин видел это и говорил:

– Слушай, Николай Алексеевич, неужели ты не видишь, что имеешь дело с профессионалами? Ну дай им тренироваться так, как они хотят. Они же не отлынивают, а, наоборот, желают нагрузиться.

Думаю, что на панно с великими игроками и тренерами «Открытие Арены», которую я люблю, должен быть Николай Гуляев. Он – один из всего двоих людей в истории клуба, которые выигрывали золотой дубль и как игроки, и как тренеры. Причем делал это два раза как игрок и один раз как тренер. Да, ему выпало работать, наверное, с лучшим поколением в истории клуба. Но не зря же Николай Петрович называл его «мулом» – за то, что он мог пахать двадцать четыре часа в сутки!

Въедливый был, педантичный. Иногда с перебором. Старостин рассказывал мне:

– Никита, представляешь, играем с «Миланом». 21 марта 1973-го, ответный матч Кубка кубков, <https://www.transfermarkt.it/spielbericht/index/spielbericht/1101921>. И сразу пропускаем. Говорю ему: «Это ж надо, твою мать: как можно на первой минуте пропустить?» Что же ответил этот ортодокс?! «Нет, Николай Петрович, на двенадцатой секунде второй минуты». – «Спасибо, – говорю, – успокоил!»

Заслуга тренера в победах пятидесятых годов, конечно, была, потому что он все-таки умел подготовить команду. Но когда мы выходили на поле, Нетто говорил:

– Так, ребята, играем в свою игру...

Сергея Сальников, который до денег был несколько жадноват, не забывал вставить пару слов по этому поводу. Тогда ведь была вот такая система премиальных: победителям матча давали, по-моему, двадцать процентов от кассового сбора. И, если арена большая – как, допустим, стадион имени Кирова в Ленинграде, – это была очень серьезная сумма. А в Москве, когда на матчи с тем же «Динамо» собирались полные «Лужники», Сальников за несколько дней до игры говорил:

– Ребята, следующая игра с «Динамо», коробочка будет полна, надо подрезимить.

Ходила легенда, что Сальников – внебрачный сын Старостина. Однажды Серега спросил:

– Никита, что у нас все ходит болтовня, что я сын Николая Петровича?

– Ну да, есть такие разговоры... Очень уж вы похожи, – объяснил я.

– Никак не получается, – возразил Сальников. – Потому что мы тогда жили в Краснодаре, а Старостин – в Москве.

– Сережа, а ты не допускаешь, что «Спартак» мог приехать в Краснодар, а Николай Петрович – там познакомиться с твоей красавицей-мамой?

Старостин тоже был красавцем, который не прочь был приударить за красивой девушкой. Сальников подумал-подумал и ответил:

– Все могло быть...

Но факт, что к нему со стороны всей семьи Старостиных было особое отношение. Как к самому близкому человеку. Он поучаствовал в нашей победной Олимпиаде 1956 года в Мельбурне, когда ему было за тридцать.

Не забуду, как мы возвращались из Австралии во Владивосток на дизель-электроходе «Грузия» и отмечали праздник Нептуна. Либо сам ныряй в бассейн, либо тебя туда бросят! А свита из борцов и штангистов, которая бросала, была заgrimирована. Двое футболистов заперлись в каюте – Сергей Сальников и Игорь Нетто. К ним стали стучаться, хотели обоих тоже бросить в бассейн. Гениальный Сергей Сергеевич Сальников остановил их очень просто:

– Имейте в виду, если вы сейчас силой откроете дверь в каюту, я разобью зеркало. А разбитое зеркало – дурной признак.

Так и не открыли в итоге.

История с золотым голом той Олимпиады – удивительная². На протяжении стольких лет, сколько мы ни собирались, говорили Ильину:

– Анатолий Михайлович, ты все-таки скажи, пересек тогда мяч линию до тебя или нет? Мы вас обоих считаем авторами победного гола, но ты хоть раз ответь!

Так ничего и не сказал. Хотя соглашался, что мяч линию ворот пересекал.

Но то, что он добивал, – делал правильно! И то, что они оба авторы этого гола, – это тоже, считаю, абсолютно верно.

* * *

Нетто страшно не любил, когда его называли Гусем. Прозвище это, кстати, придумали ему не игроки, а болельщики. Вспоминаю, как приехали мы в 1955 году в Египет. Игорь, величайший игрок, которого считаю лучшим футболистом в истории «Спартака», блистал. И пригласили нас на прием к послу, который, видимо, даже как следует не подготовился и спросил, кто у нас капитан. Встал Нетто, представился. И надо же было послу ляпнуть:

– Это вас Гусем называют?

Игорь покраснел и ничего не ответил. А дело было в том, что в египетских газетах между статьями о том, какой Нетто великий футболист, появился дружеский шарж: все гусиное, а к шее приделана голова нашего капитана. На заключительном приеме подходят к Игорю египетские журналисты, а переводит все наш представитель из посольства. Они показывают Нетто этот шарж и спрашивают через переводчика, понравился ли он ему. Слова «идиоты, дураки» были самыми мягкими из того, что он ответил. Но перевели репортерам так, что шарж ему понравился.

Сидим как-то в ресторане «Арагви», куда мы, игроки, по традиции шли после Централь-ных бань. Подходит официант. Мы всегда заказывали цыплят табака. А тут выяснилось, что цыплят нет, и нам предложили вместо них взять гуся. Коля Тищенко – он у нас острослов был – тут же среагировал:

– У нас свой Гусь есть!

Нетто начал в своем стиле шептать:

– Дурак, идиот!

Я попросил официанта сходить к шеф-повару: может, все-таки несколько порций цыплят у него для нас найдется. Но он развел руками: для вас бы всегда нашлось, если бы хоть что-то было. Однако нет, и все же он очень советует заказать хорошего, молодого гуся. Тищенко опять:

– Я же тебе сказал, что у нас свой Гусь есть. Вот он, лапчатый, сидит! – и на Нетто указывает. Тот краской налился – и уже, не стесняясь:

– Баран, ты что, не понимаешь?..

Слыша это прозвище, заводился с пол-оборота!

Мы его даже за глаза Гусем не называли. Только Игорем. Не могу сказать, что партнеры его боялись, – тут больше подойдет слово «уважали». На поле он был очень требовательным. Но на него не обижались: в игре «крошил» всех, но в раздевалке быстро отходил и зла ни на кого не таил. Такие люди в команде очень нужны, и считаю, что как «Спартаку», так и сборной России капитана, подобного Нетто, сегодня очень не хватает.

Тренерам с ним было непросто. К примеру, делает Гуляев разбор. И наступает Нетто на большую мозоль. У Игоря не очень хорошо был поставлен удар, и он никогда не пользовался

² Ильин после удара Исаева настиг мяч, как кажется по видеозаписи, уже за линией ворот, но официально гол записан на его счет.

длинным пасом. Чтобы не ошибиться, ограничивался коротким и средним. Так вот, на разборе Гуляев ему своим гнусавым голосом говорит:

– Игорь, ты играл хорошо, но коротко.

– Я в деревенский футбол играть не буду, – взбрыкивает тот. – Почему я должен бить куда попало?

– Если бы ты играл длиннее, то было бы...

И тут Нетто, не дослушав, срывается:

– Мы же в футболе – живем! А вы в нем ничего не понимаете!

Тут уже вступает Николай Петрович:

– Слушай, Игорь, но Николай Алексеевич же хочет как лучше! Он же твой тренер!

Так, представляете, Нетто и тут отмахивается:

– Вы тоже ничего не понимаете!

Вот так мы могли поговорить между собой в пятидесятых, шестидесятых годах. И ничего страшного – поспорив, потом выходили и выигрывали. И то, что все было так демократично, – так это как раз по-спартакски. Думаю, со дня создания клуба.

А от Нетто доставалось всем – Ильину, Сальникову... Сережа Сальников был очень техничным, и когда изображал какой-нибудь финт, а потом атака срывалась, Нетто на него набрасывался:

– Твою мать, на кухарок играешь!

По национальности Игорь был чистокровным эстонцем. И когда он начинал Сальникова уж слишком сильно «прессинговать», тот подходил ко мне и искал защиты:

– Никита, ты мне можешь объяснить, что от меня хочет этот чертов тевтонец? Мы с тобой что – хуже него играем?!

Эпитет, если честно, был не «чертов», а более крепкий. Я предлагал ему послать Нетто подальше.

Но на это решались единицы. Например, Коля Паршин – игрок не слишком техничный, но мужик прямой. Встречались как-то с «Локомотивом», игра не шла, Нетто злился. Обрушился на Паршина, назвал дубиной – тот его в ответ и послал. Приходим в раздевалку в перерыве, Николай Петрович мечется – то ко мне подходит, то к Сальникову... А Игорь сидит молча, голову опустив.

– Ну а ты, капитан, можешь повести за собой команду или нет? – спрашивает его Старостин.

– Нет, Николай Петрович, не могу, – подавленно вздохнул Игорь. – Невозможно это, если меня на х... посылают.

А со мной был случай в 1958-м. В финале Кубка СССР играем с «Торпедо». Они нас мощно придавили, но Валька Ивакин в воротах здорово сыграл. А минут за десять-пятнадцать до конца основного времени выходим с Ильиным вдвоем на одного защитника. Ильин не пожадничал, вытянул его на себя и отдал пас мне. Ворота пустые! Но я чуть затянул с ударом, и мне дали по пятке – удар у меня чуть сбился, и я не попал в створ. Так бы выиграли 1:0, а теперь дополнительное время надо играть.

Видели бы вы Нетто! Он идет, сверлит меня своими белесыми глазами и кричит:

– Надо за это брать и душить, душить!

– Что ты орешь? – говорю я ему. – Я что – нарочно не забил?

– Еще не хватало, чтобы нарочно!

Во втором тайме дополнительного времени выходим с Исаевым на ворота, я получаю от него пас, укладываю вратаря и забиваю победный мяч. Выигрываем 1:0 и берем Кубок! После игры говорю:

– Ну и что ты орал? Выиграли же в конце концов!

Думаете, Нетто пошел на попятный? Как бы не так!

– Посмотрите на него, – злился Игорь, – он еще и доволен! А ведь лишние тридцать минут мучились из-за него!

Так получилось, что в 1964-м я, уже несколько лет тренировавший «Спартак», чуть не отчислил Нетто. Игорь уже был в возрасте, шел на спад и, как человек самолюбивый, все это воспринимал очень болезненно. Играли с «Торпедо», проигрывали, он в центре поля не справлялся с Валею Ивановым. Я в перерыве говорю:

– Игорь, возьми Иванова поплотнее, он же гуляет свободно!

Но он не терпел критики и огрызнулся:

– Ладно, что ты мне тут будешь говорить? Что я, в футболе ничего не понимаю?!

Хоть я и был старшим тренером, но он не хотел перестраиваться и все равно разговаривал со мной на «ты».

Я уже жестче повторил:

– Сказал тебе – возьми Иванова поплотнее!

И тогда Нетто меня просто послал. При всех.

После чего я велел ему, чтобы он переодевался: вместо него выйдет другой. И добавил:

– Запомни: либо ты будешь в команде, либо я, понятно тебе?!

Потом было собрание. Все ребята его осудили. Говорили: как же, мол, так, Игорь Александрович – они его по имени-отчеству называли. Мы берем с вас пример, а вы... Вам же по делу сказали! Постановку вопроса я менять не хотел – или Нетто, или я. И когда мы остались один на один, он ко мне со слезами обратился, натурально плакал:

– Прошу, не выгоняй меня! Я же, кроме футбола, ничего не умею. Ну, ты же знаешь мой характер...

– Игорь, – ответил я, – мы с тобой пролили столько пота и крови на поле. Я думал, что как тренер буду иметь в твоём лице поддержку, а ты так по-хамски стал со мной разговаривать, да еще при всех. Как же так?

– Да, знаю. Извини, я виноват. Но я тебя умоляю – не выгоняй!

Было видно, насколько ему плохо, и что он действительно понял, как был неправ. И я махнул рукой:

– Все хорошо, Игорь, забыли!

Были принесены извинения, и после этого о том случае мы не вспоминали. Потому что надо уметь прощать. Отношения остались такими же теплыми, как прежде, до конца его жизни. Убрать его из команды у меня рука не поднималась, и закончил он карьеру, когда я в «Спартаке» временно не работал. Для меня вообще расставаться с людьми было самой тяжелой вещью в тренерской профессии.

Нетто стал одним из помощников Гуляева, но характер у него не изменился. Однажды Коршунов ему сказал:

– Игорь Александрович! Николай Алексеевич попросил тебя сделать годовой отчет-анализ о прошедшем сезоне.

– Передай Николаю Алексеевичу, что я перепоручаю ему делать этот отчет.

Что тут говорить, это – Игорь! Даже формально став тренером, он до конца оставался игроком. Мог, допустим, сказать: «Вы играть не умеете». Или: «Я бы этот мяч забил». А такие фразы тренер произносить не должен. Потому что, когда становишься тренером, твое прошлое игрока остается, можно сказать, в другой жизни.

Я очень люблю Черенкова. Федор был мало того, что выдающимся спартаковцем, но и святым человеком. И памятника на стадионе «Спартака», безусловно, заслуживает. Хотя на оригинал изваяние Черенкову, по правде говоря, не очень похоже.

Но еще до него, считаю, памятник на стадионе должны были установить Игорю Нетто – по моему убеждению, лучшему футболисту и капитану в истории «Спартака». Чемпиону Европы и Олимпийских игр, капитану сборной СССР на протяжении десяти лет. Что касается

Старостинных за воротами – тоже можно подискутировать, там их надо было устанавливать или на видном месте рядом с ареной, чтобы все подходили, смотрели. За воротами их как-то не видно. Однако то, что такой памятник есть, – хорошо.

* * *

В те годы, когда я играл, не было лозунга «победа любой ценой». Выигрывать, принося в жертву честь, совесть и достоинство, – даже мысль такая была для нас недопустимой! Лично я не видел матча на чемпионате мира-62 в Чили, когда Нетто признался, что Численко забил мяч через дырку в сетке, поскольку находился в другом городе и просматривал игры группы с Англией и Бразилией. Но если все происходило именно так, то меня это ни в коем случае не удивляет. Потому что Нетто был кристально честным, в высшей степени порядочным человеком. И никогда не любил бахвальство.

Меня мучила совесть в 1956-м, когда все матчи Олимпиады в Мельбурне провел Эдик Стрельцов, но на финал Гавриил Дмитриевич Качалин решил поставить меня. А медали тогда вручались только участникам финального матча – то есть, с учетом существовавшего в то время запрета на замены, их было одиннадцать. И когда мы завоевали золото, я считал, что Стрельцов заслужил эту награду больше меня.

Подходил к нему дважды. Сначала – прямо в олимпийской деревне. Но он отрезал:

– Нет, я медаль не возьму.

Вторую попытку предпринял на корабле, на котором мы возвращались из Австралии. Так ему и сказал, что меня совесть мучает.

И тут Эдик вспыхнул:

– Да ладно, брось ты, Палыч! – Он, как молодой, считал нужным меня по отчеству называть. – Тебе уже тридцать, а мне еще двадцати нет. Может быть, у тебя эта медаль – последняя. А я, может, в своей жизни выиграю не одну. И больше ко мне с этим не подходи!

Медаль эта уже больше полувека хранится у меня дома. А к юбилею олимпийской победы, в 2006-м, я через Монетный двор договорился, чтобы изготовили еще одиннадцать ее дубликатов. И эти медали вручили всем, кто был в команде и кому награда из-за существовавших тогда правил не досталась. За тех, кто до полувекового юбилея не дожил, их получали родные. За Стрельцова – его сын Игорь.

Кто в Мельбурне мог знать, что меньше чем через два года Стрельцов после той драмы с якобы изнасилованием окажется в заключении? Не могу простить господину Хрущеву этого преступления в отношении сборной. Кстати, уверен: если бы Эдик, а также Татушин с Огоньковым поехали с нами на чемпионат мира 1958 года, а Нетто не был травмирован, мы стали бы там призерами. Конечно, обыграть ту сборную Бразилии было нереально – и по составу, и по тактике она на голову превосходила остальных. А со всеми остальными мы вполне могли справиться. За вылет в четвертьфинале нас по возвращении всех раскритиковали в пух и прах...

В конце 1955 года состоялся товарищеский матч с будущим бронзовым призером ЧМ-58, Францией, в ее составе играли выдающиеся футболисты. Я был после травмы, и, естественно, пришлось заново набрать форму. Тренировался с дублем. А сборная тогда работала на нашей базе в Тарасовке. Качалин решил провести с дублем двухсторонку. Меня попросили сыграть в манере знаменитого французского форварда Копа, то есть оттянутого назад форварда. Я попробовал – и на завтрашний матч меня взяли в основу! Сыграли с Францией 2:2. Кстати, мы с Эдиком и забили по голу.

Классная у нас была команда, да еще и Яшин в воротах. Кстати, в сборной Лев Иванович держался в основном со спартакoвцами – Исаевым, с которым он в сборной жил в одном номере, Ильиным, да и нас с ним связывали очень теплые отношения. Иногда в телефонных

разговорах обменивались фразами на армянском. Но переводить их не готов – это невозможно для публикации!

* * *

Бесков, говорят, считал, что Николай Петрович Старостин не разбирался в футболе... Ну, это субъективное мнение Константина Ивановича. Он вообще был человеком, убежденным, что мало кто, кроме него, в футболе смыслит. А я считаю, что Николай Петрович разбирался, и еще как! Но еще лучше он разбирался в людях и в отношениях между ними.

Никогда не забуду, что он сказал мне, когда я после сезона 1972 года уходил из «Спартака» тренировать «Арарат». Я попросил у Николая Петровича разрешения попрощаться с командой. Получив добро, поблагодарил ребят. А Старостин при всех добавил:

– Мы с тобой расстаемся, но дверь не закрываем. Ты можешь всегда в нее войти. И вообще, запомни: если тебя разрезать, мы увидим, что у тебя там две половины: одна – красная и другая – белая!

И когда на следующий год «Арарат» выиграл чемпионат страны, с поздравлениями звонили и Старостин, и игроки. Пришла и официальная бумага с поздравлениями от «Спартака», и для меня это было очень важно.

Расскажу еще забавные истории про Николая Петровича. Когда «Спартак» ездил за границу, у него был этаким талмуд – список, что кому привезти. В советское время это имело огромное значение! Помню, были как-то на коммерческих играх в Штатах. Но платили нам в зависимости от побед. Однажды проиграли – и в раздевалке Старостин вроде про себя, но так, что всем слышно, заглядывает в этот свой талмуд и читает:

– Так, пиджак велюровый внуку Мише – минус...

Посчитал-посчитал и повернулся к Бескову:

– Константин Иванович, дела поправить можно только в Кливленде!

Чего у Николая Петровича вообще не было – это вкуса в выборе одежды. Спрашивает однажды:

– Никит, из наших дамское пальто никто не покупал? А то беда!

Оказалось, он купил жене Антонине Андреевне пальто – и притом что она была маленькая, щупленькая, оно оказалось ей мало. И она как пошла на него: старый дурак, как же можно настолько в размерах не соображать?!

И тогда он решил «отмазаться» на дочери Жене. Купил ей туфли – вот только обе... на левую ногу. Но однажды я просто ахнул – когда увидел, что Николай Петрович купил жене кожаные чулки. Старухе! Когда он в магазинах что-то выбирал, от него все убегали, потому что он делал это часами. А потом мне говорил:

– Слушай, ну чего я хожу, Никита? Чего выбираю? Все равно ведь куплю говно...

С самоиронией у него был порядок.

Из золотых медалей «Спартака» пятидесятых годов мне дороже всего было чемпионство 1958-го. Во-первых, в тот год мы сделали золотой дубль – выиграла и первенство, и Кубок. Причем как сложно это было! О Кубке, когда я наслушался «добрых слов» от Нетто, я вам уже рассказывал. Финал тот проходил в скверную погоду, 2 ноября, на размокшем, тяжелом поле. Добавьте сюда полчаса дополнительного времени. А 8 ноября мы должны были в переигровке матча чемпионата встречаться с киевским «Динамо». Ее, переигровку эту, пролоббировали высокие партийные органы в лице первого секретаря ЦК компартии Украины Подгорного.

Тот матч мы у киевлян выиграла 3:2. Я забил третий, победный, мяч за несколько секунд до окончания игры. И тут судья Петя Гаврилади допустил ошибку. Как только время закончилось, ему нужно было выключить секундомер. А он, чтобы зрители были убеждены, что мой гол засчитан, поставил мяч на центр. И забыл нажать на кнопку секундомера! В результате

оказалось, что когда мяч установили в центральном круге, было переиграно девять секунд, и к этому придрались.

В этом было очень заинтересовано московское «Динамо» – оно становилось бы чемпионом, если бы мы уступили киевлянам в переигровке. И вот по новой играем с Киевом. Если 2 ноября, в день финала Кубка, поле было вязким, то 8-го ударил восьмиградусный мороз. Минут за пятнадцать-двадцать до конца мы проигрывали 1:2. Московские динамовцы пошли с трибун переодеваться – чтобы сделать чемпионский круг почета.

А мы в это время сравниваем! Если так и закончится – значит, будет еще одна переигровка, теперь с московским «Динамо» за золото. И руководитель советского футбола Валентин Гранаткин говорит сидящему рядом с ним на трибуне Старостину:

– Николай Петрович, давайте переигровку назначим на двенадцатое.

Дед отвечает:

– Слушай, наши провели второго тяжелейший финал с дополнительным временем, еще один матч – сегодня. Давай назначим игру на тринадцатое.

– На двенадцатое!

– На тринадцатое!

И пока у них идет эта дискуссия, о которой мне позже Старостин рассказал, я за шесть минут до финального свистка иду подавать угловой, закручиваю мяч на дальний угол площади ворот, и Сальников головой забивает третий мяч! 3:2, мы – чемпионы! И вот тогда Дед торжественно говорит Гранаткину:

– А вот теперь можно назначать и на двенадцатое!

* * *

Золотые медали в ту пору, конечно, «обмывали», как и все нормальные люди. Особая история, связанная с празднованиями, случилась только, по-моему, в 1946-м, когда меня еще в «Спартаке» не было. Наши ребята тогда выиграли Кубок и так это дело в «Национале» отметили, что не хватило денег расплатиться. Пришлось в залог оставлять сам Кубок. Потом довели деньги и забрали трофей.

Погулять наше поколение футболистов могло, но как мы потом отработывали на поле! Например, у армейцев ребята по этой части были не дураки. А затем они выгоняли все это из организма через пот и труд. И вдвойне требовали от себя и друг от друга, если перед тем подавали. И у всех команд так было, в том числе и у нас.

Случались и забавные ситуации – одна, помню, с Анатолием Масленкиным. Как-то звонит мне Николай Старостин.

– Связался тут со мной один болельщик «Спартака». Рассказал, что на улице Мытной Анатолий Евстигнеевич собирает друзей, они играют в футбол, потом скидываются по рублю и идут пить коньяк. А ведь скоро отпуск закончится, начнется подготовка к сезону, и это отразится на его игре. И вот я звоню Масленкину, излагаю ему все это. Он в ответ шепелявит: «Николай Петрович, что вы слушаете разных проходимцев? Сами посудите – что нам, водки мало, что ли?!»

Нынешние чествования команд-победительниц не идут ни в какое сравнение с тем, что бывало тогда. Это были настоящие театрализованные представления, на которые в полных составах приходили ведущие театры страны – Большой, Малый, Художественный... И все это превращалось в настоящие спектакли! Когда в 1962 году мы стали чемпионами, нас чествовали во Дворце спорта «Лужники». Зал был полон. Писатель Лев Абрамович Кассиль, наш потрясающий и величайший болельщик, вышел на сцену, поприветствовал всех и сказал:

– Я болею за «Спартак». Впрочем, все порядочные люди болеют за «Спартак».

Насчет всех – это, конечно, была гипербола. Мой друг Евгений Евтушенко – болельщик «Динамо», как были ими и Дмитрий Шостакович, Юрий Никулин. Но люди все-таки тянулись к команде, которая не имела никакого отношения к силовым ведомствам, за что ее и стали называть народной. Вы же понимаете, с чем у людей тогда ассоциировались эти ведомства. В итоге и получилось, что целые театры, такие, как МХАТ, Малый, имени Вахтангова, – болели за «Спартак». А вот главный редактора журнала «Огонек» Сафронов, закоренелый динамовец, говорил, имея в виду нас, конечно:

– «Динамо» – это не какая-то артель...

Мы отвечали взаимностью. Николай Петрович до конца жизни ненавидел «Динамо» и был убежден, что в лагерь их отправил именно его куратор – Берия. И именно как конкурентов, спартаковцев. Это потом уже недоброжелатели начали говорить о том, что братьям Старостиним пропаяли вагона мануфактуры в вину вменили. Или что кто-то из них в начале войны якобы сказал: «Если придут немцы, мы, люди спортивные, и при них проживем». Но это все болтовня.

Московское «Динамо» в мои времена было главным соперником, однако я не приемлю в отношении спорта слова «враг». Мы, например, дружили с армейцами Соловьевым, Деминым, Водягиным, Бобровым. С «Динамо» же была конкуренция, соперничество, но не вражда. И тот же Евтушенко, написав свое лучшее стихотворение, посвященное спорту, об армейце Боброве с бессмертной строкой «Шалипин русского футбола, Гагарин шайбы на Руси», как-то сказал мне:

– Следующая жертва – ты!

Но ограничился короткой эпиграммой.

В спартаковскую раздевалку перед каждой игрой – и после тоже – приходили великие актеры – Игорь Ильинский, Михаил Яншин. Я спрашивал Игоря Владимировича, почему он так внимательно наблюдает за нами, за тем, как мы надеваем гетры, бутсы.

– Между нашими профессиями очень много общего, – объяснил он. – Мы выходим отчитываться перед зрителями – и вы тоже. Поэтому нам так и интересна каждая деталь.

Мы смотрели на этих людей с благоговением. У нас вообще в команде было много театралов. Всей командой, кстати, на спектакли не ходили – это ведь тоже было бы не по-спартаковски, потому что выглядело бы как воинская повинность. А театр, что скрывать, в футбольной команде не могут любить все до единого. Так что каждый решал это для себя сам. Нетто театр очень любил – и не только потому, что его жена была актрисой. Игорь вообще был исключительно начитанным человеком, знал английский язык, что в ту пору было большой редкостью. То же можно было сказать и об Алексее Парамонове. Лично я пристрастился еще и к классической музыке, часто бывал на симфонических концертах, был знаком с гениальным дирижером Евгением Федоровичем Светлановым. Слушая такую музыку, я приобрел вкус, который не позволяет мне признавать всю эту сегодняшнюю попсу. Хорошую эстраду я тоже люблю, но не эту ерунду.

Кстати, если возвращаться к артелям, Сафронов в чем-то был прав. В других командах платили намного больше, чем в «Спартаке», но к каким-то артелям нас порой все-таки прикрепляли. Мне, например, артель «Восточные сладости», как я уже говорил, немного подбрасывала. Но это тоже быстро закончилось. А в республиках все было по-другому. Например, игроков тбилисского «Динамо», когда они заканчивали карьеру, устраивали директорами магазинов, бензоколонок. Мы об этом даже не думали. От лишних денег не отказались бы, конечно, но «Спартак» был нам дорог сам по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.